

ГЛАВА 1

Профессор был уже немолод, но дрался как лев. Максимычу он понаставил синяков, а нерасторопного Илюху наградил длинной и глубокой ссадиной под правым глазом. Чем дальше, тем хуже она выглядела, и Максимыч косился на нее с растущим неодобрением.

Перспектива идти сдаваться врачам вместо интересного задания расстраивала Илюху так сильно, что он даже позволил себе толкнуть профессора, водворяя его в автомобильную «клетку». Тот был уже упакован в наручники, так что толчок вышел и бессмысленным, и даже каким-то некрасивым. Обломки прибора, изъятые у профессора, пришлось сложить туда же — впрочем, Вера была уверена, что пользоваться им уже невозможно и испортить еще больше — тоже.

— Да нормально все, — с деланой бодростью уверял Илюха по дороге в Управление. — Ща сдадим нашего красавца, я умоюсь быстренько и на обыск с вами, да?

— Нет, — вздохнула Вера. — Приедем — и чеши в травму. Как бы твою боевую рану зашивать не пришлось. А профессора мы сами сдадим.

Илюха угрюмо отвернулся.

— Справку потом мне скинь на телефон, — добавила Вера безжалостно.

— Правильно, — поддержал ее Максимыч. — А то вдруг тоже задвоишься и драться полезешь. Кровищи-то...

— Невозможно стать доппельгангером от ранения, нанесенного доппельгангером, — нравоучительно сказал Володя с водительского сиденья. — На копирование необходимо минимум сто тридцать секунд контакта. Доказано профессором Гартунгом в 1836 году.

— А без чувства юмора жить, значит, возможно, — грустно сообщил Максимыч, обращаясь к автомобильному бардачку.

— Адрес профессора прислали? — спросила Вера.

Максимыч неохотно полез в сообщения.

— Не-а. Да не до адреса им сейчас, у них весь институт на ушах стоит. Он же какой-то заслуженный был, красавец наш, приоритетной темой руководил. Что-то, связанное со свечением Д-жертвы.

— Это я уже знаю. С адресом что?

— Ну я ж рассказываю. Переполох полный, половина института под карантином, вторая половина валяется с сердечным приступом. И всю работу его перепроверять неизвестно с какого года, мы ж не знаем, когда он задвоился-то...

— Звони, узнавай, — перебила его Вера. — Володь, сколько нам ехать еще?

— Минут пятнадцать, Вер Михална.

— В течение получаса адрес должен быть у нас.

Максимыч насупился, но все же взялся за телефон.

Как и все доппельгангеры, с момента задержания профессор перестал разговаривать, не сопротивлялся, не смотрел в глаза и весь как будто обратился внутрь себя. Следуя за Максимычем по затемненному коридору, Вера машинально бросала короткие взгляды за стекло каждой одиночной камеры на их пути. Доппельгангеры сидели у кроватей, на кроватях, на полу, расслабленно прислонившись к стене. Самому юному было двенадцать. Самому старшему, точнее, самой старшей, — почти девяносто. Практически каждый десятый был задержан Верой лично, а ведь кроме изолятора в Центральном Управлении был еще резервный Д-изолятор в Раменках и еще один областной, в Мытищах, и там Вериных клиентов тоже хватало.

Только до последней камеры по этому коридору она уже лет пять не доходила, хотя раньше спускалась сюда регулярно, когда выдавалась возможность, лишь ради этого конкретного допа. Стояла и смотрела, смотрела, смотрела до рези в глазах, хотя он на нее вообще никак не реагировал. Ему недавно исполнилось тридцать два.

Оказавшись в камере, профессор деревянным шагом прошел к кровати, сел, опустил голову и замер. Дежурный запер за ним двери и, согласно инструкции, еще минут пять возился, проверяя замки.

— На что бюджетные деньги расходуются, — проворчал Максимыч. — Он же, может, лет двадцать тут еще просидит за казенный-то счет. Вот в Сингапуре: выявили допа — на утилизацию. Что значит эффективная экономика!

— Хочешь как в Сингапуре? — Вера тихонько кивнула на камеру с бывшим скейтбордистом Витей, миловидным темноволосым мальчиком. Доппельгангер сидел на полу, безвольно уронив на колени крупные подростковые кисти

с обгрызенными ногтями. Длинные черные ресницы отбрасывали на его щеки мохнатые тени. — Ну иди. Утилизируй.

Максимыч посмотрел на него с непонятным выражением и отвел глаза.

— Адрес-то есть? — спросила Вера, уже шагая обратно.

Выходя из изолятора в лифтовый холл, она машинально вскинула глаза: над дверным проемом с незапамятных времен висела репродукция хоррор-картины Решетникова «Опять двойка»: мальчик возвращается из школы, мать и младший братик на велосипеде уже привстают с мест ему навстречу, но оскалившаяся, со встопорщенной на загривке шерстью собака, не признающая в нем своего, ясно показывает — перед нами доп. На самом деле это неправда, собаки не чувствуют допов, но именно поэтому она такая страшная, эта яростная псина...

А на стуле слева так и висят неубранные вещи девочки-пионерки — красный галстук, черная лента для волос. И тут ты вспоминаешь — не просто «Двойка», а «Опять двойка»; было у этой мамы три ребенка, а остался только один...

— Университетский проспект, шесть, корпус один, — буркнул Максимыч за ее спиной. — Володю брать?

— Сами справимся. — Задержаний по адресу не предполагалось, а значит, гонять спецмашину — ненужное расточительство. Лучше она возьмет «ниссан», он менее тряский, более чистый, и зеркала в нем настроены под водителя, так, чтобы видно было дорогу, а не что попало. — Он же один жил? Родственники есть у него?

— Какие-то очень дальние. Живут в Юрмале, отношений с профессором не поддерживают.

— Все равно надо проверять. Пошлем запрос в латышское Управление, вдруг он доп совсем давно, с юности. Или даже с детства.

Личные вещи профессора по-прежнему валялись неразобранные в лотке на посту охраны. Смартфона среди них не было — либо доппельгангер забыл его дома или на работе, и это было бы невероятной удачей, либо он все-таки избавился от него по дороге. Сделать запрос, чтобы попробовали отследить сигнал, записала себе Вера мысленную заметку. Хотя и это было скорее для проформы: кто сейчас не смотрит детективные сериалы и не знает, что смартфоны надо либо топить, либо бросать, например, под асфальтоукладчик? Уж точно не доп. Нераскрытые доппельгангеры, когда их никто не видит, не сидят на полу, как куклы, не сводя мертвого взгляда с собственных колен. Немногочисленные сохранившиеся съемки четко показывали: доппельгангеры, оставшись одни, читали книги, учились онлайн, писали в соцсетях, покупали всякую дрянь на маркетплейсах, резались в компьютерные игры и, конечно, смотрели телепередачи и сериалы — словом, делали все то же, что и люди, только очень общительные и неутомимые. Они не stanno заниматься в одиночестве тем, что годится для компании. Если спорт — то в фитнес-клубе или на улице. Если новый фильм — то в кино. Если игры — то онлайн, где можно переговариваться с другими игроками в чате. Доппельгангеры нередко заводят блоги, постят много и часто и к каждому полученному комментарию обязательно оставляют авторский ответ. Некоторые из них становятся популярными, и потому аналитический отдел Управления постоянно держит блогосферу на контроле. Но даже доп, ведущий блог или канал с сотней подписчиков, будет выкладывать по десять постов в день с негаснущим энтузиазмом — вдруг кто-то все-таки заметит, прочтет, прокомментирует.

Выходит, вдруг подумала Вера, перебирая кончиками пальцев содержимое неказистого профессорского портфельчика, выходит, что допы любят людей, а не просто употребляют их тела, убивая прежнего владельца. Мы к коровам и овцам, как ни крути, относимся хуже.

— Ключей-то, ключей... — пробормотал Максимыч, заглядывая ей через плечо. Связка и в самом деле была увесистая.

— Да тут большая часть, наверно, от каких-нибудь институтских шкафов.

— Почему шкафов, а не дверей?

— Потому что на дверях у них электронная пропускная система. У сотрудников ключ-карты.

— Господи, — в ужасе сказал Максимыч самому себе. — Как ты все запоминаешь?

— Когда я только в Управление пришла, в этот институт меня Щеглов несколько раз гонял за экспертизами. Только не к нашему профессору, а к каким-то сотрудникам попроще.

— А теперь кого гоняет?

— А теперь — никого. Я так поняла, что толку от тех экспертиз не было никакого, потому что о биофизике допов мы на самом деле практически ничего не знаем. А для наших целей — установления времени смерти Д-жертвы или, там, идентификации биологических следов — вполне хватает экспертов по человеческой биологии. Все, поехали.

Верин «ниссан» ждал их во дворе Управления, припаркованный с известным шиком в узкой нише. Капот был осыпан кленовыми листьями — совсем свежими, полупрозрачными, как мед. Лобовое стекло было залито солнечным светом. Вера потянула на себя ручку водительской

дверцы, зажмурилась и, только окончательно приземлившись, открыла глаза. Зеркала мирно показывали разметку, забор, мусорный бак справа. Все было в порядке.

Она искоса бросила взгляд на Максимыча. Тот не успел отвести глаза, и выражение лица у него было сложное.

— Когда ты уже привыкнешь, — в сердцах сказала Вера.

— Ну прости, — смущенно пробормотал Максимыч. — Прости, больше не буду. В квартиру первый зайду, лады? — попытался подлизаться он.

Она отвернулась и завела двигатель.

Пятнадцать лет назад

Парня этого Вера заметила сразу, как вошла в просторную комнату, где Настины родители, так удачно свалившие на дачу, обычно принимали гостей. Он стоял у обшарпанного буфета и возвышался над сидящими, как ливанский кедр посреди ельника. Протискиваясь мимо к свободному стулу — рядом с Ленькой как раз был свободный стул, вот удача-то! — Вера как-то неудачно столкнулась с выходящим Пухлым, отшатнулась и впечаталась этому длинному затылком в плечо. Метр девяносто, не меньше.

Вечеринка была уже в разгаре. Вера плюхнулась на облюбованное место и на презрительный взгляд Вероники, занявшей позицию с другой стороны от Леньки, только гордо вздернула подбородок.

— Эй, — сказала Ольга. — Вообще-то тут Женька сидит.

— Женька переседет, — спокойно ответила Вера и в упор посмотрела на длинного.

— Да не вопрос, — легко улыбнулся длинный. — Дама же просит.

Конфликт исчерпался, не начавшись. Вера тоже улыбнулась, и даже Ленька приподнял уголок рта.

Из закуски на столе были только чипсы и чудовищный салат из консервированной фасоли, кукурузы и сухариков, залитых майонезом, зато алкоголь лился рекой. В квартиру набилось уже человек двадцать, погасили свет, включили музыку, хорошую — Вере хотелось пойти потанцевать, песни были классные, и Настя, верная Настя Иванова, ей уже махала откуда-то из коридора, куда протянулся импровизированный танцпол. Но Ленька не двигался с места, травил анекдоты, пил одну за одной, и как приклеенные, с прямыми спинами, сидели рядом с двух сторон две влюбленные девчонки, как две резные статуи: нарядная блестящая Вероника с легкими льняными локонами и смелым декольте и строгая Вера с гладкими черными, как у японки, волосами до пояса, застегнутая на все пуговицы черной рубашки, зато в такой юбке, что почти без юбки, как говорил папа.

Вероника напивалась каким-то жутким ликером не существующего в природе цвета. Вера тянула водку с колой. Ленька пил без колы, чистоганом, и в целом держался молодцом — в туалете уже неудержимо рвало кого-то из менее крепких гостей.

Первой не выдержала Вероника:

— Лень, пойдем потанцуем?

— Да ну. — Ему явно нравилась сама ситуация, то, что они его так откровенно караулят и пацаны это видят — ни с одним не сидели две девчонки сразу, да еще такие разные. Поэтому он отмахнулся от Вероники и продолжил свои байки: — И, короче, я ему говорю: тебе в бубен, может, захотелось? А он...

Вера вдруг почувствовала, что колы было, пожалуй, выпито слишком много. И туалет вроде бы освободился, надо было прорываться, пока опять не заняли. Получалось, что Вероника выиграла, потому что ее пересидела. Ну что за детский сад, раздраженно подумала Вера, уже и пописать нельзя сходить? Ничего не случится. И вышла. Ленька даже на нее не посмотрел, продолжал рассказывать свои истории — пацаны с готовностью заржали.

На выходе из ванной ее перехватила наконец Настя и вытащила на лестницу покурить. Она вся горела энтузиазмом — ведь и вечеринку эту они придумали вдвоем, именно для того, чтобы что-то началось наконец нормально у Веры с Ленькой, и теперь ей не терпелось узнать, как продвигается процесс.

— Да никак, — с отвращением сказала Вера. — Еще Вероника эта... Я надеюсь, это не ты ее пригласила?

— Не-е-е, ты че! — округлила глаза Настя. — Ее это... Пашка привел.

— Пашка? — Вера вскинула бровь.

— Ну, они вчетвером пришли, — нехотя призналась Настя. — Ленька, Пашка, Оля и эта... Пашка, конечно, привел, кто же еще? — с наигранной уверенностью постановила она. — Ну Верыч, ну я же не могла сказать: ты, ты и ты оставайтесь, а ты — кыш отсюда, тварь в блесточках!

Вера засмеялась, хотя смешно ей не было.

— Насть! — крикнули из квартиры. — За догоном надо идти!

— Ну иди! — милостиво разрешила Настя.

— Так не продадут!

Настя почесала в затылке.

— Длинному продадут, — наконец решила она и заорала на весь подъезд: — Же-е-е-е-ень!

Длинный будто только и ждал Настиной команды и нарисовался на площадке уже одетый и даже в шапочке — надо сказать, довольно дурацкой, с огромным зеленым помпоном.

— Какой молодец, — похвалила его Настя. — Значит, деньги на полке справа, где шкафчик такой стремный. Полетаева возьми в помощники. Ему не продадут, но донести поможет. Сколько чего — сами решите, не маленькие.

Постояли еще, вслушиваясь, как топот гонцов затихает внизу. Дверь подъезда глухо хлопнула.

— А он вообще кто? — негромко спросила Вера.

Настя достала еще сигарету и полезла за зажигалкой.

— Длинный? Да фиг его знает. Полетаев с ним в какую-то секцию ходит, они в соседних домах живут. Звонит мне, говорит, можно я товарища приведу, скучно ему одному, товарищу-то. Но он не в нашей школе учится, а в шестьсот двадцать пятой.

— Ну это и так понятно, что не в нашей, — пожала плечами Вера. — Мы б заметили.

— Да, в общем, он вроде нормальный, симпатичный даже. — Настя задумчиво затянулась. — Мышцы какие, видела? Ручищи... Только длинный очень. Целоваться неудобно.

— А ты пробовала? — Это уже было интересно, и Вера тоже взяла вторую сигарету.

— Не-а! — засмеялась Настя без малейшего сожаления в голосе. — Это я так. В теории. Не, ну а вот как? — вдруг спросила она совершенно серьезно, будто на уроке физики. — Ты вот где, он — вон где. Лежа разве что...

— Иванова!

— Ну вот что «Иванова»? Сама же знаешь, если не Андрюха, то... При чем тут Длинный вообще? Так просто интересно. Или он только с такими же длинными?

На площадку вывалилась Анька из параллельного, бледно-зеленая, с белыми губами — вот она-то как раз была каланча, такой целоваться с длинным Женькой точно было бы удобно, мельком подумалось Вере, однако Аньке было явно не до поцелуев. Она пошатнулась, развернулась, упала на колени, и ее вырвало прямо на коврик перед Настиней дверью. Вера сделала шаг назад.

— Вот ведь не умеют, а пьют, — неодобрительно припечатала Настя и снова заорала. — Пухлый! Пу-у-у-ух! Да что ж такое. Бу-лат-ни-ков!

После недолгой возни из-за двери высунулся недовольный Пухлый.

— Меня Костей зовут, — сообщил он.

— Да ты что! — изумилась Настя. — Слышь, Пухлый, принеси салфетки, они на столе на кухне. И веи эту звезду домой. Не к себе только, а к ней.

— А почему сразу я?

— А кто, я? — ехидно поинтересовалась Настя. — Твоя одноклассница, ты и веи. Мы тебе сколько раз говорили, переводись к нам в «А», у нас таких мутных не водится. Не-е-ет, у него физматпрофиль! Вот и давай... математик.

Вместе они приблизительно оттерли салфетками бедолагу Аньку и проводили их с Пухлым до лестницы. Потом Вера с Настей с грехом пополам отмыли многострадальный коврик и лестничную площадку. Наконец, закончив приводить себя в порядок, они вернулись к гостям.

Ни Леньки, ни Вероники в комнате не было. Вера замерла на пороге. Настя охнула и тряхнула за плечо Пашку:

— Бегунков и Хороненко где?

— Сама как думаешь? — ухмыльнулся Пашка.

— Где?!

Он мотнул головой куда-то в сторону Настиной спальни. Настя изменилась в лице и рванула с места.

— Не мешай ребятам, Иванова, — неожиданно трезво проговорил Пашка ей вслед.

— Я же там сплю, блин! — заорала Настя.

— Ну хочешь, будешь спать у меня?

— Дебил! Вер...

Но Вера застыла, как изваяние, перед этой клятой дверью, через которую, конечно, было все слышно, которая вообще не оставляла пространства воображению. Где-то рядом фоном кричала и безуспешно дергала ручку разъяренная Настя. Вере не хотелось плакать, господи, спасибо, что хотя бы не хотелось плакать, и убегать тоже не хотелось, вот провалиться сквозь пол прямо сейчас было бы неплохо, но она не могла двинуться с места, все ее усилия уходили на то, чтобы держать спину прямо и дышать ровно.

Поэтому она даже не вздрогнула, когда на плечо ей успокаивающе легла огромная ледяная с мороза ладонь.